

ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АВСТРО-ВЕНГРИИ

К. Б. Виноградов, Ю. А. Писарев

Истории Габсбургской монархии эпохи империализма посвящено огромное количество сочинений. Тем не менее после второй мировой войны интерес к различным ее аспектам не только не уменьшился, но даже возрос. В последние годы ученые Венгрии, Югославии, Чехословакии, Румынии, Австрии, СССР и других стран опубликовали исследования по проблемам рабочего и национального движения в Австро-Венгрии. Появились обобщающие марксистские труды о развитии империализма в Габсбургской монархии¹. Широкий доступ к документам государственных и частных архивов Австро-Венгрии и Германии позволил сдвинуть с мертвой точки изучение некоторых сложных вопросов внешней политики Габсбургского государства периода первой мировой войны. Вызывают немалый интерес монографии буржуазных историков В. Карлгрена (Швеция), Ф. Энгель-Яноша² и Ф. Фельнера (Австрия), касающиеся отдельных вопросов истории австро-венгерской дипломатии. Но до сих пор нет общих исследований внешней политики Австро-Венгрии, особенно 1900—1918 годов. Ф. Фельнер объясняет это «пассивностью» и «статичностью» австро-венгерской политики³. Едва ли можно согласиться с таким мнением. Симптоматично, что в последнее время версию, согласно которой Австро-Венгрия проводила осторожно-выжидательную, «консервативную» и даже «миролюбивую» внешнюю политику, а ее политическим лидерам и дипломатам были дороги судьбы мира и Европы, поддерживают сторонники идеи «интеграции Европы», идеализирующие Габсбургскую монархию и выдвигающие ее в качестве прообраза «объединенной Европы». При этом они ограничиваются либо описанием деятельности отдельных дипломатов, либо общими обзорами⁴. В разительном противоречии с фактами находятся и другие псевдонауч-

¹ J. Křížek. Die wirtschaftlichen Grundzüge des österreichisch-ungarischen Imperialismus in der Vorkriegszeit (1900 bis 1914). Praha. 1963; P. Reiman. Die grundlegenden Entwicklungstendenzen des Imperialismus in Österreich-Ungarn. «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. 4. Berlin. 1960, S. 122—173.

² W. M. Carlgren, Iswolsky und Aehrenthal vor der Bosnischen Annexionskrise. Uppsala. 1955; F. Engel-Janosi. Österreich und der Vatikan 1846 bis 1908. Graz. 1960. Bd. II. Die Pontifikat Pius X und Benedikts XV (1903 bis 1918); F. Fellner. Die Haltung Österreich-Ungarns während der Konferenz von Algéciras 1906. «Mitteilungen des Instituts für Österr. Geschichtsforschung». Bd. LXXXI. Graz. 1963, S. 462—477.

³ F. Fellner. Der Dreibund. «Österreichische Militärische Zeitschrift». 1964. Sonderheft II, S. 3.

⁴ Министр иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхтольд предстает в изображении Г. Ханча как незаурядный дипломат, своего рода образец «доброты европейца». H. Hantsch, Leopold Graf Berchtold. Grandseigneur und Staatsmann. Graz. 1963. Э. Кренкшоу доказывает, что Франц-Иосиф был подлинным отцом «своих подданных», а Франц-Фердинанд заботился о единстве Европы «перед лицом угроз извне и изнутри». E. Crankshaw. The Fall of the House of Habsbourg. London. 1963.

ные теории, вроде теории «наездника и коня», примененной к австро-германским отношениям⁵. Историки-марксисты вскрывают сущность ошибочных концепций буржуазной историографии. Немало сделано нашими учеными и в области исследования внешней политики Австро-Венгрии. Но есть еще спорные и нерешенные проблемы, например, особенности формирования внешнеполитического курса монархии, ее отношения с Германией, результаты австро-венгерской экспансии на Балканах, внешняя политика Австро-Венгрии в период первой мировой войны. Этим проблемам и посвящена настоящая статья.

В начале XX в. многие австрийские политические деятели, экономисты и публицисты пропагандировали идею о некоем «обновлении» Габсбургской монархии. Говорилось о гармоничном развитии ее экономики, о затухании национальных противоречий⁶. Жизнь опровергла эти домыслы: в Австро-Венгрии не произошло «экономического чуда», страна оставалась финансово несамостоятельным, относительно слабым государством⁷. Трудящиеся Австро-Венгрии эксплуатировались не только своими, но и иноземными капиталистами: к 1914 г. общая сумма иностранных инвестиций исчислялась здесь в 9760 млн. крон⁸. Примерно половина этих капиталовложений принадлежала германским банкам; на долю Германии приходилось также около 40% внешней торговли Габсбургской монархии. Экономическое и финансовое положение страны заметно ухудшилось с 1907—1908 гг., то есть со времени, когда Австро-Венгрия стала проводить агрессивную внешнюю политику. В 1911 г. армия была увеличена на 40%, а военные расходы возросли более чем на 100 млн. крон в год⁹. Гигантских затрат потребовало начавшееся строительство дредноутов. Все это вызвало обострение классовой борьбы. Героическое выступление венгерского пролетариата в мае 1912 г. показало, что в лице рабочего класса Австро-Венгрии зреет сила, способная покончить с произволом эксплуататоров. Во «внутренних колониях» монархии, особенно на юге страны, усилилось к этому времени национально-освободительное движение. Только насилие, призвал позднее О. Бауэр, сдерживало тогда распад разлагавшейся империи¹⁰. В подобных условиях стали более резкими трения в среде правящих классов. Возросли противоречия между венгерскими землевладельцами и мощными группировками капиталистов и обуржуазившегося дворянства в австрийской части монархии, обострилась конкурентная борьба между крупнейшими банками Вены и Будапешта. Политический кризис в Австро-Венгрии проявился в те годы в лихорадочных поисках выхода из тупика путем верхушечных реформ. Само обилие рецептов лечения дряхлого государства являлось симптомом кризиса, глубочайших расхождений внутри имущих слоев монархии.

Внешняя политика Австро-Венгрии самым тесным образом переплеталась с национальной. Об этом свидетельствует, например, недавно опубликованная программа реформы внутренней структуры Австро-Венгрии, предложенная видным австрийским дипломатом Эренталем. Он связывал переустройство монархии с необходимостью перехода к более агрессивной внешней политике¹¹. В период первой мировой войны внут-

⁵ В союзе Австро-Венгрии и Германии, писал Дж. П. Гуч, «Австрия стала всадником, а Германия — конем». G. P. Gooch. Before the War. Vol. II. London. 1938, p. 284.

⁶ См., например, работу К. Реннера «Современная Австро-Венгрия». «История нашего времени». Под редакцией М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. Т. II. СПб. [1912].

⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 28, стр. 178.

⁸ A. V. Bash. The Danube Basin and the German Economic Sphere. New York. 1943, p. 9.

⁹ «Schulthes' Europäischer Geschichtskalender 1911». München. 1912, S. 302.

¹⁰ «Der Kampf», 1928, № 11, S. 529—530.

¹¹ «The Slavonic and East European Review», 1963, № 6, pp. 522—536.

риполитическими проблемами интенсивно занимались министры иностранных дел Буриан и Чернин. В компетенцию руководителей внешней политики, в свою очередь, активно вмешивались лидеры австрийской военщины во главе с генералом Францем Конрадом фон Гетцендорфом. Внешнеполитический курс Австро-Венгрии, несомненно, зависел от того, что министр иностранных дел все время приходилось считать с позиции различных политических сил: группировкой Шенбрюннского дворца, представлявшей сравнительно умеренное направление во главе с императором Францем-Иосифом, Бельведерским «теневым» правительством, часто выражавшим точку зрения военной партии (Конрад, Кробатин) и группировкой аграриев и крупных монополистов Венгрии во главе с Тисой.

Немалую роль в определении внешнеполитического курса все еще играла династия Габсбургов. Франц-Иосиф слыл сторонником пассивного выжидания, так как опасался, в частности, последствий конфликта с Россией. Война с ней «была бы концом монархии», воскликнул он, когда генерал Ф. Конрад, апологет превентивной войны, предложил ему в марте 1913 г. «рискнуть»¹². Известны аналогичные высказывания Франца-Фердинанда¹³, который вместе с тем настаивал на проведении «энергичной» внешней политики. Именно он выдвинул и длительное время поддерживал Конрада. В декабре 1912 г. Франц-Фердинанд совместно с Конрадом призывал немедленно расправиться с Сербией, хотя это могло вызвать войну с Россией¹⁴. Новейшие исследования во многом содействовали выяснению внешнеполитических взглядов последних Габсбургов, особенно Франца-Фердинанда. Между тем не следует забывать, что в эпоху империализма главным вдохновителем захватнической внешней политики становится финансовый капитал Австро-Венгрии, в значительной мере подчинивший себе государственный аппарат монархии¹⁵.

Разумеется, большое влияние имели также мощные группировки помещиков-аристократов. Вплоть до кануна мировой войны дипломатический корпус комплектовался главным образом из числа родовитой знати. Эренталь, Берхтольд и Буриан были тесно связаны с венгерскими землевладельцами. В некоторых вопросах внешней политики, например, при решении сложной проблемы взаимоотношений с Румынией, венгерские помещики добивались проведения удобного им курса. Интересные данные о воздействии помещичьих группировок на внешнеполитический курс монархии привел Г. Хальгартен¹⁶.

Требования буржуазии учитывались руководителями венской дипломатии при выработке генеральной линии внешней политики и при решении конкретных вопросов. «Деловые круги», рупором которых являлась венская газета «Neue Freie Presse», настаивали на экономическом и политическом подчинении Балканского полуострова Австро-Венгрии, призывали к проведению «активной» политики в «заморских» странах. Правительство и его заграничные представители поддерживали эти притязания. Так, появление австрийского проекта строительства железной дороги к Салочикам, по признанию Эренталя и посла Австро-Венг-

¹² «Schicksalsjahre Österreichs 1908—1919. Das politische Tagebuch Josef Redlichs» (в дальнейшем — «J. Redlich»). Bd. I. Graz. 1953, S. 194.

¹³ Вот одно из них: «Война с Россией равна силе нашему концу... Должны ли император Австрии и царь спихнуть друг друга с трона и расчистить путь революции?» (G. F r a n z. Erzherzog Franz Ferdinand und die Pläne zur Reform der Habsburgische Monarchie. München. 1942, S. 107).

¹⁴ Feldmarschall Conrad. Aus meinem Dienstzeit. Bd. II. Wien. 1922. S. 330; L. Chlum ecky. Erzherzog Franz Ferdinands Wirken und Wollen. Berlin. 1929, S. 158.

¹⁵ Франц-Фердинанд вынужден был считаться с ненавистными ему «высочками», вроде известного финансиста Зигхарта, а в связи со строительством военно-морского флота заискивал перед Ротшильдами и другими банкирами.

¹⁶ Г. Хальгартен. Империализм до 1914 года. М. 1961, стр. 403—409.

рии в Турции Паллавичини, было связано в основном с программой экономической экспансии на юго-восток¹⁷. Пресловутая «свиная война» с Сербией (таможенная война Австро-Венгрии и Сербии в 1906—1911 гг.)¹⁸ возникла после того, как австрийская дипломатия тщетно пыталась навязать сербам соглашение о поставках австрийского вооружения, а также добивалась заказов австрийским фирмам на постройку железных дорог в Сербии (небезынтересно, что в спор о заказах на вооружение вмешался «сам» Франц-Иосиф). Австро-венгерский военный атташе в Турции и Греции В. Гизль активно защищал интересы фирм «Шкода» и «Манлихер» в их борьбе с германскими фирмами за заказы на поставку вооружения¹⁹. Еще в 1899—1900 гг. австро-венгерская дипломатия вела переговоры о приобретении Рио-де-Оро в Северо-Западной Африке²⁰. В 1911—1912 гг., учитывая позицию влиятельных венских банков, австрийские дипломаты добивались права принять участие в международном консорциуме в Китае²¹, а также содействовали продаже австрийского оружия китайцам. В 1913—1914 гг. Австро-Венгрия претендовала на часть «турецкого наследства» в Малой Азии.

В конфликтных случаях, когда интересы землевладельцев и капиталистов не совпадали, правительство обычно становилось на сторону последних. Так было в августе—сентябре 1908 г., когда обсуждался новый торговый договор с Сербией; здесь аграрии потерпели поражение. «Поставленный между двух огней кабинет после неоднократных и бурных совещаний решил стать на сторону торгово-промышленников»²², доносил русский посол. В октябре 1912 г. эксперты министерства иностранных дел высказались за возможность включения Сербии в австро-венгерский таможенный союз²³. Это было сделано наперекор венгерским помещикам, занимавшим в этом вопросе иную позицию.

В 1913-м и начале 1914 г. раскол в правящем блоке сказался и в сфере внешней политики. «Neue Freie Presse» утверждала 14 сентября 1913 г., что политика министерства иностранных дел противоречит пожеланиям «народа». Подобные обвинения в адрес Берхтольда раздавались и со стороны органов печати землевладельческой знати. Но это были разногласия тактического порядка. Правящие круги страны сходились в том, что необходимо «активизировать» внешнюю политику. Агрессивного курса придерживались венские банки, значительная часть венгерской олигархии, связанной с финансистами, крупные чешские капиталисты, польские магнаты и др. Стремление проводить «великодержавную политику» лежало в основе позиции старых милитаристско-династических кругов и империалистической буржуазии Австро-Венгрии²⁴. Политика правящих кругов страны приобрела особенно реакционный характер по-

¹⁷ Паллавичини писал о желательности «мирного завоевания» западной части Балкан и превращения Салоник в «австро-венгерский порт». См. W. Carlgren. Op. cit., S. 43—44, 261.

¹⁸ Д. Борневић. Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906—1911. Београд. 1962.

¹⁹ W. Giesl. Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient. Berlin. 1927, S. 21—22, 170, 311.

²⁰ Венгерский государственный архив. Filmtár. W-253 (Haus-Hof und Staatsarchiv Wien. Politisches Archiv, Liasse Marroko 1).

²¹ «Österreich-Ungarns Aussenpolitik... Diplomatische Aktenstücke» (далее — OUA). Bd. IV. Wien. 1930, №№ 3579, 3659.

²² Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, оп. 470, д. 136, л. 431.

²³ ÖUA. Bd. IV, № 4205.

²⁴ Для подтверждения этого тезиса любопытно сопоставить материалы журнала «Österreichische Rundschau», рупора эрцгерцога, и «Neue Freie Presse» за 1912—1914 годы. При всех отличиях и расхождениях оба органа почти повторяли друг друга, требуя «решительности» и «твердости» от министра иностранных дел. Впрочем, складывавшийся шовинистический фронт еще более расширился, включая и правых социал-демократов. К. Реннер в 1906 г. призывал «не опоздать к дележу» мира и добиваться «могущественного положения на Востоке» (см. Р. Шпрингер. Национальная проблема. Борьба национальностей в Австрии. СПб. 1909, стр. 6, 200—202).

тому, что эти круги пытались во что бы то ни стало спасти это архаическое государство Габсбургов, которое в начале XX в. являлось тормозом на пути прогресса, национального и революционного движения. Имущие классы Австро-Венгрии активно боролись против национально-освободительного движения²⁵, стремились всеми силами помешать распространению революционных идей. Необходимо противодействовать «демократическим воззрениям и институтам»²⁶, — писал Эренталь. В 1906 г. он выступил за возрождение Союза трех императоров, который «придал бы большую твердость и целеустремленность... борьбе против грозящей диктатуры пролетариата»²⁷. Берхтольд также доказывал, что внешняя политика Австро-Венгрии призвана вести борьбу с революцией, в частности, с революцией в России²⁸.

Как уже отмечалось, многие буржуазные историки подчеркивают пассивность Австро-Венгрии на международной арене, якобы присущую этой стране в исследуемый период. Другой, правда, немногочисленный, отряд историков склоняется к мнению о «перманентной» агрессии Габсбургской монархии. На наш взгляд, нуждается в коррективах не только первая, но и вторая концепция. Крайне неустойчивое внутреннее положение страны обуславливало непоследовательность ее внешней политики. Можно ли в таком случае говорить о целенаправленности ее курса? Или все дело сводилось к каким-то импульсам и вспышкам при доминирующей роли отдельных «сильных» личностей, вроде Эренталя? Ответы на эти вопросы вытекают из незыблемого, как нам думается, положения. При всех изменениях государственного курса оставалась главная тенденция — рост агрессивности, вызванный увеличивавшимися аппетитами австро-венгерского финансового капитала, а также ориентацией на Германию. Поэтому не удивительно, что на всех этапах внешнеполитического развития в 1900—1918 гг. предпринимались попытки разработать и осуществить некую стратегию внешних сношений и заранее запланировать решение тактических задач. Но при всех притязаниях на заморские территории практически единственно реальным объектом экспансии для Австро-Венгрии могли быть в начале XX в. лишь страны Балканского полуострова. Для нас Балканы — это «целый мир», только здесь мы можем осуществлять экспансию²⁹, писал реакционный публицист Т. Сосносский. Но и на Балканах Австро-Венгрия столкнулась с серьезными препятствиями. Помимо балканских государств, энергичное противодействие ей оказывали здесь великие державы, и прежде всего Россия и Италия. Борьба за Юго-Восточную Европу неизбежно обостряла отношения Австро-Венгрии с этими державами. Во время первой мировой войны из сравнительно скромных планов продвижения монархии на Юго-Восток выросли замыслы значительных захватов в Польше и на Украине и «решительного ослабления» Италии.

В первые годы XX в. Австро-Венгрия придерживалась осторожного курса. Многие буржуазные историки усматривают причины этого в личности министра иностранных дел А. Голуховского. Однако решающее значение в данном случае имел ряд факторов внутреннего и международного порядка, в частности желание содействовать активизации внешней политики царской России на Дальнем Востоке. В Вене полагали, что Россия основательно увязнет там и перестанет интересоваться Балканами.

²⁵ Министр иностранных дел Голуховский в 1903 г. отмечал, что центробежные элементы разорвут Австро-Венгрию на части, если «между Адриатикой и Дунаем возникнет большое славянское государство» («Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914». Berlin. Bd. 18, № 5609).

²⁶ «Die Grosse Politik». Bd. 22, № 7369.

²⁷ См. W. Carlgren. Die Renaissance der Dreikaiserbündnisses. «Historiski Archiv», Stockholm, 1954, № 2, S. 17.

²⁸ См. F. Conrad. Op cit., Bd. III. Wien, 1922, S. 115—117.

²⁹ См. Th. Sosnosky. Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. Bd. II. Berlin, 1914, S. 391—397.

Но и в этот период Австро-Венгрия не была пассивной. Она вмешивалась во внутренние дела Черногории и Сербии, помешала сербско-болгарскому сближению, а в Македонии так неприкрыто старалась создать для себя удобный плацдарм, что даже выдавшие виды германские дипломаты были шокированы³⁰.

Три основных фактора привели к активизации балканской политики Австро-Венгрии в 1906—1907 гг.: ослабление России в результате русско-японской войны и революции 1905—1907 гг.; временная консолидация внутреннего положения при значительном усилении влияния крупной буржуазии; провал политики экономического удушения Сербии и подъем антигабсбургского югославянского движения. Эренталь и Конрад предлагали тогда четкую программу действий: Австро-Венгрия уничтожает «сербское революционное гнездо» и захватывает часть территории Сербии³¹ путем провоцирования последней в результате аннексии Боснии и Герцеговины, а также сговора с кликой Фердинанда Кобургского. Для утращения России и урегулирования отношений с Турцией Эренталь рассчитывал на поддержку Германии.

Боснийский кризис 1908—1909 гг. не привел к укреплению внешнеполитических позиций Габсбургской монархии. Наоборот, обострились ее отношения не только с Россией и Сербией, но и с Италией и Турцией. Аннексия Боснии и Герцеговины ускорила сближение России и Италии. Тщетно пыталась Австро-Венгрия помешать русско-итальянскому соглашению в Ракониджи (1909 г.)³². Сербия была унижена и мечтала о реванше. Укрепились военно-политические связи Сербии с Россией и Черногорией, начались переговоры Сербии с Болгарией. Агрессивные действия Австро-Венгрии объективно послужили толчком к сплочению народов Юго-Восточной Европы для совместной антифеодальной и антиимпериалистической борьбы. Немалой помехой австрийскому продвижению стал лозунг «Балканы — балканским народам». Позднее Берхтольд, Паллавичини и другие габсбургские дипломаты утверждали, что аннексия Боснии и Герцеговины была «ошибкой». Эренталь, конечно, не хотел признавать этого, но вынужден был вернуться к тактике осторожного маневрирования. Задуманные им новые комбинации по изоляции Сербии не осуществились, напрасными были и попытки укрепить пошатнувшиеся экономические позиции Австро-Венгрии на Балканах.

Однако правящие круги Габсбургской монархии не оставили намерений возобновить натиск на Юго-Восток. Осенью 1912 г. вспыхнула первая Балканская война. На сей раз деятельность австро-венгерской дипломатии отличалась более заметными, чем раньше, колебаниями. В Вене долго не верили в возможность сближения и эффективных совместных действий балканских стран. Затем здесь была сделана ставка на затяжную, изнурительную войну этих стран с Турцией. Берхтольд полагал, что Австро-Венгрия сможет сказать свое веское слово «к концу балканского пожара» и добьется «окончательного разрешения балканского вопроса»³³. Быстрый разгром Турции побудил правящие круги Габсбургской монархии предъявить ряд ультимативных требований Сербии и Черногории, подкрепив их начатой секретно мобилизацией. Провокационная позиция Австро-Венгрии привела к крайнему обострению отношений с Россией³⁴. В конце ноября 1912 г. Конрад предлагал

³⁰ См. «Die Grosse Politik». Bd. 22, №№ 7420, 7439; W. Giesl. Op. cit. Kap. VI.

³¹ См. F. Conrad. Op. cit. Bd. I. Wien. 1921, S. 516—517, 528—530; «Die Grosse Politik». Bd. 26, № 8927.

³² АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 136, лл. 222, 237, 238.

³³ ОУА. Bd. IV, №№ 3928, 4183.

³⁴ Австро-венгерский посол в Петербурге Турн в ноябре 1912 г. предостерегал свое правительство: нажим в Белграде привел к тому, что существует «величайшая опасность возникновения вооруженного конфликта также и с Россией». ОУА. Bd. IV, № 4310.

начать войну не только с Сербией, но и с Россией³⁵. Большинство же лиц, направлявших внешнеполитическую деятельность монархии, по-прежнему предпочитало «локальную войну» с Сербией, однако спровоцировать такой конфликт зимой 1912—1913 гг. не удалось. Ухудшившаяся международная обстановка сковала действия Берхтольда. В беседе с русским послом Н. Гирсом Берхтольд счел возможным отмежеваться от «военной партии», которая, по его выражению, «всегда готова начать войну»³⁶. Несмотря на словесные уверения министра, генеральная внешнеполитическая линия Австро-Венгрии в Юго-Восточной Европе осталась прежней. Серия угроз в Белграде и Цетинье, подстрекательство Фердинанда Кобургского к нападению на Сербию, попытка вооруженного вмешательства во вторую Балканскую войну — вот составные элементы этого курса. В свой «актив» австро-венгерская дипломатия могла записать лишь отрыв Болгарии от Балканского союза³⁷. Но и этот успех был в какой-то степени нейтрализован значительным ухудшением отношений с Румынией³⁸. Попытки Берхтольда установить частичный протекторат над Албанией вызывали новые осложнения с Италией. Из-за Албании, предсказывал австро-венгерский посол в Риме Мерзи, между двумя державами произойдет «кровавая дуэль»³⁹.

К концу 1913 г. все более явственно обнаруживалось, что терпят крушение также усилия правящих кругов Австро-Венгрии использовать в своих интересах союз с Германией. В буржуазной историографии со времени появления монографий А. Франкенфельда, Ф. Штиве и О. Веделя⁴⁰ установилась традиция «чисто дипломатического» анализа австро-германских отношений. При этом Ведель, например, утверждал, что Эренталь добился доминирующей роли Австро-Венгрии в австро-германском союзе. И в наши дни даже такой серьезный исследователь, как Ф. Фельнер, полагает, будто при Эрентале «решающий голос» в Тройственном союзе принадлежал Вене, а не Берлину⁴¹.

Для правильного понимания австро-германских отношений следует обратить внимание на несколько обстоятельств. Прежде всего непрерывно росла экономическая зависимость Габсбургского государства от Германии. Германский капитал постепенно захватывал командные позиции в Австро-Венгрии, а за ее пределами австрийские банки все чаще переходили под контроль германских. Правящие круги Габсбургской монархии были заинтересованы в союзе с Германией, так как надеялись с ее помощью справиться с центробежными тенденциями народов, населявших эту лоскутную империю. Наконец, империалисты Австро-Венгрии не видели возможности вести агрессивную внешнюю политику без поддержки Германии. Анализ австро-германских отношений полностью подтверждает известное положение ленинизма: любой союз империалистических держав есть форма их соперничества. Более сильная сторона, Германия, закабаляла слабейшую, Австро-Венгрию, беззащитно

³⁵ «Die Grosse Politik» Bd. 33, № 12454. В это время в Токио и Пекине австрийские дипломаты зондировали почву с целью вовлечения Японии и Китая в конфликт с Россией.

³⁶ АВВР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 17, л. 23.

³⁷ Австро-Венгрия добивалась этого с октября 1912 г. ÖUA. Bd. VI, № 7399. Берхтольд хотел стимулировать «вражду двух балканских государств славянского языка» (письмо Берхтольда Францу-Фердинанду в июне 1913 г. R. Kiszling. Erzherzog Franz Ferdinand von Österreich-Este. Graz. 1953, S. 206—207).

³⁸ Союзный договор с Румынией, доносил Чернин из Бухареста в декабре 1913 г., «имеет в настоящее время такую же ценность, как чернила и бумага, на которой он написан». ÖUA. Bd. VII, № 9066.

³⁹ ÖUA. Bd. V, № 6153.

⁴⁰ A. Frankenfeld. Österreichs Spiel mit dem Kriege. Das Verhängnis deutscher Niebelungentreue. Bosnische Kriese (1908—1909). Dresden. 1928; F. Slieve. Die Tragödie der Bundesgenossen. München. 1930; O. Wedel. Austro-German Diplomatic Relations. Stanford. 1932.

⁴¹ «Österreichische Militärische Zeitschrift», 1964, Sonderheft II, S. 8—9.

подрывала ее экономическое и политическое влияние в других странах. На Балканах Германия «больно наступает на пятки» Австро-Венгрии⁴², говорил Крамарж в 1911 году.

Развитие австро-германских экономических и торговых связей до первой мировой войны в основном удовлетворяло заинтересованные группы немецких капиталистов. Германские империалисты стремились к постепенному экономическому поглощению Австро-Венгрии и установлению более действенного политического контроля над ней. Этот план нашел свое выражение в 1912 г. в проекте среднеевропейского таможенного союза как ступеньки к «экономическому единству» Европы при господстве Германии⁴³. Авторы проекта В. Ратенау, Вильгельм II и Бетман-Гольвег считали, что Австро-Венгрия автоматически присоединится к «Срединной Европе». Реализация этой программы началась лишь после начала империалистической войны.

Между Берлином и Веной в течение ряда лет происходила своеобразная дуэль. У каждого из партнеров имелся свой план использования союзных отношений. Выгодное географическое и военно-стратегическое положение Австро-Венгрии и ее значительные материальные и людские ресурсы придавали Габсбургской монархии немалое значение в качестве союзника. Правящие круги Германии добивались действенного контроля над замыслами и мероприятиями венской дипломатии, пытались ограничить свободу маневра Австро-Венгрии, не допуская, в частности, ее прямых переговоров и соглашений с другими державами. После принятия «плана Шлиффена» использование военного потенциала Габсбургской монархии против России стало для правящих кругов Германии особенно острой необходимостью. События 1905—1906 гг. показали, что Австро-Венгрия не была намерена вступать в конфликты Германии с западными державами из-за господства в Марокко. В этих условиях один из ведущих германских дипломатов, Ф. Гольштейн, осенью 1908 г. рекомендовал поддержать австро-венгерскую экспансию на Юго-Восток. На Балканах, считал он, Австро-Венгрия будет бороться за «собственное дело», но фактически там она «ведет нашу борьбу» с державами Антанты. Габсбургскую монархию, по его мнению, можно будет прочно держать на привязи и в случае надобности гарантировать ее «союзническую верность»⁴⁴.

Это своеобразное политическое завещание Гольштейна оказало определенное влияние на предвоенный курс Германии.

Плану Берлина Вена противопоставила свой план. Австрийская дипломатия добивалась максимальной самостоятельности для Австро-Венгрии в рамках союза с Германией, пыталась использовать мощь союзника в интересах австро-венгерского империализма. В 1909 г. Эренталь писал: «Общая политическая ситуация в Европе и за ее пределами находится под влиянием экономических и политических противоречий между Германией и Англией»⁴⁵. Исходя из этого положения и спекулируя на ухудшении международных позиций Германии в 1904—1907 гг., он не упускал случая подчеркнуть, что австро-германский союз нужен Габсбургской монархии не больше, чем самой Германии. Одно время Эренталь казался, что Австро-Венгрия даже близка к положению равного партнера. На самом деле в ходе боснийского кризиса в осуществлении своих замыслов больше продвинулась Германия, чем Австро-Венгрия. Австро-германские военные переговоры, начавшиеся в январе 1909 г., тоже свидетельствуют о том, что германская сторона навязыв-

⁴² «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1911», S. 295—296.

⁴³ См. F. Fischer. *Weltpolitik, Weltmachtstreben und deutsche Kriegsziele*. «Historische Zeitschrift». Bd. 199, 1964, Hf. 2, S. 322—328.

⁴⁴ «Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins». B. I. Göttingen. 1956, S. 164, 194—195; Bd. IV. Göttingen. 1963, S. 519.

⁴⁵ ÖUA Bd. II, № 1720.

вала Австро-Венгрии свою волю в отношении сосредоточения сил, планов, масштабов и сроков начала войны. Полное пренебрежение к интересам Австро-Венгрии, проявленное Бетман-Гольвегом и Кидерленом во время Потсдамских переговоров 1910 г., показало призрачность успехов Эрентала. Хотя Эренталь говорил в 1911 г., что он «не последует за Кидерленом в Агадир», тем не менее он признавал: для Германии мы являемся надежным «стражем на Востоке»⁴⁶. Поскольку Австро-Венгрия изолирована, говорил тогда Франц-Фердинанд, ей необходим союз с Германией, «даже если бы там стал управлять Вельзевул»⁴⁷. Не следует думать, что мысль о независимой роли Габсбургской монархии высказывалась лишь одним Эренталем. И Берхтольд пытался действовать аналогичным образом, затеяв (тайно от немцев) переговоры с английскими дипломатами. При этом с австрийской стороны последовали уверения в том, что программа вооружения Австро-Венгрии не направлена против Англии и что необходимо «развеять укоренившуюся в Англии легенду о том, будто наша внешняя политика делается в Берлине»⁴⁸.

В октябре 1912 г., когда стали очевидными провалы внешней политики Австро-Венгрии, в министерстве иностранных дел и в аристократических кругах отмечалось резкое недовольство Германией⁴⁹. Тем не менее и в конце 1912 г. правящие круги Австро-Венгрии по-прежнему искали опору своей внешней политике в Берлине. Они получали ее ценой дальнейшего подчинения Германии. Окрики и одергивания со стороны Кидерлена, Ягова и Вильгельма II участились зимой 1912—1913 годов. По мнению Н. Гирса, здесь «все больше и больше дает себя знать чувство... которое абсолютно враждебно тяжелой опеке Германии»⁵⁰. Против экономического и политического засилья Германии начали выступать буржуазные, а отчасти и аристократические представители Венгрии. Группировка М. Каройи высказывалась за изменение ориентации внешней политики Габсбургской монархии в сторону Антанты⁵¹. Деловые круги Австро-Венгрии пробовали организовать отпор германскому наступлению на Балканах⁵². Но господствующие классы страны не были действенной силой, способной противостоять экспансии Германии. Правители Австро-Венгрии видели в союзе с Германией гарантию самого существования монархии. Это позволяло германскому правительству неуклонно ограничивать свободу действий младшего партнера. Все попытки самостоятельных акций Австро-Венгрии пресекались Германией. Например, летом 1913 г. в Берлине нашли неподходящим момент для начала войны на Балканах, который предложила Вена. В октябре 1913 г., когда наметилась дальнейшая активизация курса Германии на Ближнем Востоке, Австро-Венгрия с полного согласия Берлина предъявила Сербии ультиматум об албано-сербской границе. Таким образом, агрессия Австро-Венгрии на Балканах, сопровождавшаяся ухудшением ее отношений с рядом соседних стран и огромными расходами на вооружения и чрезвычайные мобилизации, в конечном счете ослабляла ее сопротивление германскому нажиму. Можно сказать, что зависимость Австро-Венгрии от Германии увеличивалась прямо про-

⁴⁶ «J. Redlich». Op. cit. T. I, S. 95.

⁴⁷ A. Spitzmüller. Und hat auch Ursach, es zu leben. Wien. 1955, S. 96.

⁴⁸ ОУА. Bd. IV, №№ 3579, 3634, 3639, 3645, 3674.

⁴⁹ Ibid., №№ 3991, 4511; «Die Grosse Politik». Bd. 33, № 12397.

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 7, л. 40.

⁵¹ «Neue Freie Presse», 9, 10.XII.1913; «Pester Lloyd», 20.III.1914; M. Károlyi. Gegen eine ganze Welt. München. 1924, Kap. VI.

⁵² «Historische Zeitschrift». Bd. 199, 1964, Hf. 2, S. 293—308. Нам представляется, что Ф. Фишер несколько переоценивает перспективы блокирования австрийских и французских банков. По сведениям царского правительства, происходившие в Париже финансовые переговоры Австро-Венгрии с Францией не имели серьезного значения (АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 5, л. 3).

порционально ее попыткам вести «наступательную» внешнюю политику.

К лету 1914 г. внутреннее и международное положение Австро-Венгрии ухудшилось. Видный экономист В. Федерн отмечал летом того же года, что вывоз товаров на Балканы не налаживается, инвестиции в промышленность почти прекратились, массовая безработица стала хроническим явлением. Исключением являются лишь те предприятия, которые «прямо или косвенно содержатся с помощью форсированных вооружений». Федерн пришел к неутешительным выводам: «Нужда растет... перспективы остаются мрачными»⁵³. Обострение национальных и классовых противоречий в стране усилило «кризис верхов». Разброд среди правящих классов, коррупция и продажность государственного аппарата и высшего офицерства, борьба «всех против всех» — вот характерные черты политической ситуации в Австро-Венгрии в канун первой мировой войны. В 1913 г. Н. Гирс писал: «Невольно задаешь себе вопрос: не должно ли ожидать какого-либо грозного проявления народного недовольства, не подготовляются ли чрезвычайные события, могущие отразиться и за пределами монархии?»⁵⁴. Германский дипломат Чиршки утверждал, что Австро-Венгрия «трещит по всем швам»⁵⁵. Тяжкими раздумьями о предстоящей катастрофе были переполнены дневники видных политических деятелей Австрии Й. Редлиха и И. Бернрейтера. Безнадежным считали положение Ф. Конрад и О. Чернин. Лишь война могла бы «оздоровить» обстановку — к такому заключению пришли многие из ведущих деятелей и дипломатов монархии. Так, еще в 1912 г. заместитель Берхтольда Ф. Сапари замечал, что тяжелое внутреннее положение Австро-Венгрии можно улучшить «посредством счастливой войны». В 1913 г. Конрад констатировал, что никто из «компетентных лиц» уже не оспаривает его тезис о невозможности проведения мирной политики. О неизбежности и необходимости войны с Сербией говорил Берхтольд. К этому же решению начал склоняться и Тиса⁵⁶.

Спровоцировать Сербию на какой-либо неосторожный шаг было тогда не очень легко. 22 июня 1914 г. австро-венгерский военный атташе в Белграде доносил: «В настоящее время Сербия не желает никаких воинственных осложнений»⁵⁷. Во второй половине июня 1914 г. эксперты министерства иностранных дел усиленно разрабатывали программу действий на Балканах. Новое вмешательство Австро-Венгрии в судьбы балканских стран могло послужить толчком, который привел бы лавину в движение. Вторая редакция этого меморандума, предназначенного для утверждения в Берлине, была закончена 28 июня 1914 года. Убийство эрцгерцога не помешало рутинерам с Бальплаца довести дело до конца и отправить документ в Берлин⁵⁸. Но теперь уже не требовалось искать предлога для предъявления ультимативных требований Сербии. Необходимо было только заручиться согласием Германии.

Июльский кризис, тактика австрийской дипломатии изучены детально⁵⁹. Следует сказать лишь о нескольких моментах: на войну с

⁵³ «Österreichische Rundschau», I.VII.1914, S. 69—74; 15.VII.1914, S. 157—161.

⁵⁴ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 2, л. 6.

⁵⁵ «Die Grosse Politik». Bd. 39, № 15734. Почти в тех же выражениях оценивал ситуацию в Австро-Венгрии французский посол в Вене Дюмен (см. М. Paléologue. Au Quai d'Orsay à la veille de la tourmente. Paris. 1947, p. 5).

⁵⁶ «J. Redlich». Op. cit. T. I, S. 178; Конрад. Op. cit. T. III. S. 94, 453, 731; J. Galántai. Istvan Tisza und der erste Weltkrieg. «Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis. Sectio Historica». T. V. Budapest. 1963, S. 197; Н. Нантсх. Op. cit., S. 498—499; К. Гельферих. Накануне мировой войны. М. 1924, стр. 75.

⁵⁷ ОУА. Bd. VIII, № 9883.

⁵⁸ Ibid., № 9984, Beilage.

⁵⁹ См. Н. П. Полетика. Возникновение первой мировой войны. М. 1964.

Сербией правители Австро-Венгрии, за исключением одно время колебавшегося Тисы, были готовы немедленно после покушения в Сараеве. Буржуазная и монархическая печать же стала разжигать военную истерию. Хотя и правые социал-демократы фактически поддерживали милитаристов, «патриотический подъем», однако, создать не удалось: трудящиеся массы были против войны. Вопрос о войне был решен, по выражению Берхтольда, «в узких руководящих кругах монархии». Никаких конкретных доказательств «вины» Сербии за покушение на эрцгерцога австро-венгерские власти в июле 1914 г. не нашли. Затычка с предъявлением ультиматума не была связана с намерениями произвести беспристрастное расследование. Она вызывалась необходимостью достичь полной согласованности действий австрийских и венгерских правящих кругов, усыпить международную общественность, а также дожидаться окончания визита Пуанкаре в Россию.

В официозе «Fremdenblatt» 30 июля 1914 г. подчеркивалось, что союзная Германия не оказывает нажима на Габсбургскую монархию. На самом деле все шаги Австро-Венгрии строго контролировались и направлялись из Берлина. Германские империалисты были полны решимости добиться как минимум крупной победы на Балканах, но с самого начала кризиса были готовы и на общеевропейскую войну по плану, намеченному Мольтке и Конрадом еще в 1909 году. Сопоставление позиции Германии летом 1913 г. и в июле 1914 г. показывает, что ей не составило бы значительного труда удержать своего союзника от нападения на Сербию. Однако Берлин не только не сдерживал Вену, но всячески подстрекал ее к скорейшему развязыванию войны. В ноябре 1914 г. Тиса напоминал Чиршки: ультиматум в Белграде был предъявлен в результате «прямого поощрения и заявления германского правительства, что оно считает создавшуюся ситуацию... выгодной»⁶⁰. Ход событий в июле 1914 г. еще раз подтвердил, что в австро-германском союзе Габсбургская монархия становилась орудием германского милитаризма.

Австро-венгерский ультиматум был составлен с таким расчетом, чтобы Сербия не смогла принять его. Когда в Вене стали распространяться слухи о возможности принятия ультиматума Белградом, это вызвало панику среди правящих кругов Австро-Венгрии⁶¹. Чтобы не допустить никаких компромиссов с Сербией, Австро-Венгрия поспешно объявила ей войну. С военной точки зрения это не имело большого смысла, так как вторжение могло быть начато лишь через две недели. Австрийская дипломатия пыталась сделать все возможное, чтобы оттянуть мобилизацию сил и вступление России в войну. Буриан писал Тисе 29 июня 1914 г.: «Цель состоит в том, чтобы не позволить России связать наши силы на севере посредством мобилизации». Для этого Салари должен был «продолжать склонять Сазонова к уступкам»⁶². Габсбургская монархия тем временем надеялась разгромить Сербию. Тиса в письмах к Францу-Иосифу от 23 и 25 августа и к Берхтольду от 24 августа писал о необходимости проведения молниеносной войны с Сербией, отмечая, что это имеет «первостепенное значение... не только для армии и общей военной ситуации, но и для морального духа населения». Такой же точки зрения придерживались Конрад, Берхтольд и Буриан⁶³.

Однако между ними были и расхождения. Тиса был противником включения Сербии в состав Австро-Венгрии. Опасаясь усиления славянского элемента в монархии, он высказался за сохранение самостоятельной Сербии, но под протекторатом Австро-Венгрии. Против этого были

⁶⁰ S. T i s z a. Briefe. Bd. I. Berlin. 1928, S. 104.

⁶¹ «J. Redlich». Op. cit. T. I, S. 237—239.

⁶² S. T i s z a. Briefe. Bd. I, S. 44.

⁶³ Ibid., S. 42—43, 56—58, 60—62.

Конрад, генерал-губернатор Боснии и Герцеговины Поттиорек, Клам-Мартиниц (будущий генерал-губернатор Черногории) и другие. «Даже самая небольшая самостоятельная Сербия опасна»⁶⁴, — писал Конрад Буриану 30 декабря 1915 года. Албания подлежала разделу между Австро-Венгрией, Италией и Грецией. После вступления Италии в войну Буриан планировал аннексию не только Северной, но и Центральной Албании. Южную Албанию он обещал Греции в обмен на ее нейтралитет⁶⁵. В отношении Черногории имелись два плана — план-минимум и план-максимум. Первый предусматривал сохранение Черногории как государства и даже заключение с ней союза против Сербии. Для обеспечения влияния Австро-Венгрии в Черногории предполагалось установить контроль над черногорской экономикой. Кроме того, Австро-Венгрия намеревалась оккупировать район горы Ловчен, что позволило бы австрийским пушкам держать под прицелом все черногорское побережье Адриатики, в том числе столицу Черногории город Цетинье⁶⁶. План-максимум предусматривал присоединение Черногории к Австро-Венгрии. Оккупация Черногории австро-венгерскими войсками в 1916 г. была началом осуществления этого плана.

Балканские планы Австро-Венгрии встречали противодействие со стороны Италии. Это было одной из основных причин, толкнувших Италию присоединиться в 1915 г. к Антанте. Австро-Венгрия долго и упорно сопротивлялась требованиям Германии пойти на уступки Италии, чтобы сохранить последнюю в коалиции центральных держав. Единственное, на что согласилась Австро-Венгрия — и то условно, — это раздел Албании на сферы влияния и на уступку Италии Трентино взамен новых приобретений на Балканах⁶⁷. В 1917 г., когда Австро-Венгрия выдвинула проект мирных переговоров, вновь был поставлен вопрос о Трентино. Новый министр иностранных дел Чернин предложил уступить Трентино Италии, надеясь получить от западных держав «миллиардный объект» — Румынию⁶⁸.

Германия в начале войны поддерживала стремления Австро-Венгрии на Балканах, так как была заинтересована в сохранении союза с ней. Желая использовать людские и экономические ресурсы Габсбургской монархии, Германия планировала ее постепенное экономическое подчинение, а наиболее агрессивные круги Германии высказывались даже за полное поглощение Австро-Венгрии. Германские монополисты с этой целью разработали план «Срединной Европы». В Вене имелись противники этого плана. Карл Габсбург и многие из его окружения опасались усиления Германии. Еще в начале войны Карл утверждал, что победа Германии будет угрожать интересам Австро-Венгрии на Ближнем Востоке. Позднее, когда цели Германии по отношению к своему союзнику стали еще более явными, он подчеркивал, что германские планы направлены на подчинение Австро-Венгрии рейху. «Решительная военная победа Германии принесла бы нам гибель»⁶⁹, — писал Карл Чернину 14 мая 1917 года. Такого же мнения были Чернин и Паллавиничи⁷⁰.

Австро-германские противоречия проявлялись также и в том, что у союзников отсутствовала единая политическая линия в ряде существенных вопросов международной политики и дипломатии, в частности

⁶⁴ «Gledišta austro-ugarskih generala i državnika. Po neizdanim dokumentima». Zagreb. 1920, str. 8—13.

⁶⁵ F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf. 1961, S. 398.

⁶⁶ «Gledišta austro-ugarskih generala i državnika», str. 3.

⁶⁷ «История дипломатии». Т. 3. М. 1965, стр. 9—10.

⁶⁸ R. Fester. Die politische Kämpfe um den Frieden und das Deutschland. 1916—1918. München. 1938, S. 53—54.

⁶⁹ *Ibid.*, S. 31.

⁷⁰ I. Baernreither. Der Verfall der Habsburgerreiches und die Deutschen. Wien. 1939, S. 219.

в польском вопросе. На протяжении войны польская проблема неоднократно приводила к обострению отношений между Австро-Венгрией и Германией⁷¹. Значительные осложнения во взаимоотношениях союзников вызывал вопрос о сроках войны. Обе монархии начали склоняться к переходу от империалистической войны к империалистическому миру уже в 1916 году. 12 декабря 1916 г. державы Центральной коалиции впервые обратились к странам Антанты с мирными предложениями, которые были отвергнуты. Буржуазная историография прогерманского и проавстрийского направления пытается преувеличить значение этих предложений. Сложилась даже легенда о миролюбии нового императора Карла и его министра иностранных дел Чернина, предпринявших весной 1917 г. серию попыток заключить выгодный для Австро-Венгрии мир⁷². В действительности мирная политика Карла и его внутренние реформы объяснялись не субъективными качествами императора, а объективными причинами: поражениями на фронтах, чрезвычайно тяжелым внутренним положением монархии, ростом революционной опасности. Последнее обстоятельство особенно тревожило правящие круги Австро-Венгрии. Генерал Саркотич, пользовавшийся большим доверием императора, приводит в дневнике интересную запись беседы с Карлом 29 марта 1917 г., вскоре после получения в Вене известий о свержении в России царя. Саркотич вспоминал, что император был крайне встревожен полученными вестями. Сказав о «непредвиденных и неисчислимых последствиях русской революции», он подчеркнул срочную необходимость проведения в Австро-Венгрии реформ и высказался за немедленное заключение мира⁷³. О том же говорил и его первый министр. 12 апреля Чернин составил секретный доклад императору, обрисовав в нем тяжелое положение монархии и развитие революционного движения в стране. Чернин призывал заключить мир в ближайшие месяцы. Иначе, заявлял он, народы сделают это сами, и «революционные волны затопят тогда все»⁷⁴.

Карл переслал Вильгельму II доклад Чернина, сопроводив письмом, в котором говорилось: «Мы боремся против нового врага, более страшного, чем Антанта, — против мировой революции»⁷⁵. Карл и Чернин предлагали Германии заключить с Антантой мир на основе статукво, мир «без победителей и побежденных». Но ни Германия, ни Антанта не хотели такого половинчатого мира и стремились добиться победы. Как раз в это время Германия объявила тотальную подводную войну, а Антанта после вступления в войну США стала готовиться к решающему удару. Послание Карла Вильгельму II и секретный доклад Чернина были расценены в Берлине как проявление крайней нервозности Вены. Тогда Австро-Венгрия начала сепаратные переговоры с Антантой⁷⁶. Подробности этих переговоров долго держались в тайне и стали известны сравнительно недавно⁷⁷. 7 и 22 августа во Фридбурге встретились австро-венгерский представитель Ревертера с представителем Антанты французским майором Абелем Арманом. Во время переговоров сторонники Антанты пытались посеять рознь между Австро-Венгрией и Германией. Переговоры не дали результатов, так как Чернин

⁷¹ Л. Гросфельд. Политика Германии и Австро-Венгрии в отношении Польши в годы первой мировой войны. «Вопросы истории», 1962, № 3.

⁷² См. R. Fester. Die Politik Kaiser Karls und der Wendepunkt des Krieges. München. 1925.

⁷³ Državni arhiv u Zagrebu. Dnevnik Sarkotiča 29. III. 1917.

⁷⁴ O. Czernin. Im Weltkrieg. Berlin. 1919, S. 198.

⁷⁵ E. Ludendorff. Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916—1918. Berlin. 1921, S. 375, 379.

⁷⁶ Венгерский государственный архив, ф. КМУ. Ministerrat Gemeinsame Angelegenheiten. Beilage I—II, S. 1—16, 17, 18.

⁷⁷ Из последних работ по этому вопросу следует отметить книгу H. Benedikt. Die Friedensaktion der Meinlgruppe 1917—1918. Graz. 1962.

не принял предложение о разрыве с Германией, а Антанта отклонила его предложение о заключении мира на базе статус-кво⁷⁸. Не удались и многочисленные полуофициальные поездки представителей Австро-Венгрии в нейтральные страны. Предпринятая осенью 1918 г. по предложению папы Бенедикта XV попытка переговоров Центральной коалиции с Антантой также потерпела неудачу⁷⁹. Ничего не смог сделать и лидер венгерской оппозиции Михай Каройи, встречавшийся в ноябре — декабре 1917 г. в Швейцарии с представителем США Хью Вильсоном. Обе стороны ограничились зондажем и не пошли на уступки друг другу, так как исходили из чуждых народам принципов империалистического мира.

Положение коренным образом изменилось после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, когда Советским правительством была предложена принципиально новая формула мира — без аннексий и контрибуций. По инициативе Страны Советов в конце 1917 — начале 1918 г. состоялись мирные переговоры центральных держав с Советской Россией в Брест-Литовске, во время которых Советское правительство наряду с предложением о заключении немедленного мира выдвинуло требование о выводе войск с оккупированных территорий и о предоставлении всем народам права самим решать вопрос о будущем государственном устройстве. Перерыв переговоров по вине генерала Гофмана привел к невиданной в истории Германии и Австро-Венгрии всеобщей забастовке. В Австро-Венгрии в ней участвовало около 700 тыс. рабочих. В адриатическом портовом городе Каттаро в феврале вспыхнуло восстание, охватившее более 40 кораблей австро-венгерского военно-морского флота. Это был первый тур революционных выступлений в Габсбургской монархии, происшедших под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Основным лозунгом трудящихся на этом этапе было заключение демократического мира. 3 марта 1918 г. державы Четверного союза подписали в Брест-Литовске мирный договор с Советской Россией.

Но война на западных фронтах и на Балканах продолжалась. Германия продолжала настаивать на заключении победоносного мира. В Австро-Венгрии с теми же требованиями выступали пангерманцы, критиковавшие политику Чернина и призывавшие к продолжению войны до победы. В правящих кругах Габсбургской монархии усиливались противоречия и обострялась борьба отдельных группировок по вопросам внутренней и внешней политики. Австро-Венгрия возобновила попытки договориться с Антантой. Начался новый цикл переговоров, которые отличались от прежних тем, что обе стороны учитывали возможную перспективу революции и в связи с этим шли на большие уступки. Монархия Габсбургов, по расчетам Антанты, должна была послужить преградой против революционной волны, движущейся на Запад. Ее ликвидация, напротив, могла создать в Восточной и Центральной Европе новый «революционный вакуум». Кроме того, Антанта все еще надеялась оторвать Австро-Венгрию от Германии.

29 ноября 1917 г. на конференции глав правительств Англии, Франции и Италии Бальфур говорил о готовности стран Антанты вступить в отдельные переговоры с Австро-Венгрией. С декабря 1917 по февраль 1918 г. в Женеве был проведен ряд встреч бывшего посла Австро-Венгрии в Лондоне Менсдорфа с представителями Форин-Оффиса. Английская сторона заявила Менсдорфу, что в Англии считают Австро-Венгрию лучшим противовесом Германии и «элементом мира» в Европе⁸⁰. 5 января 1918 г. Ллойд-Джордж заявил, что в цели Англии не вхо-

⁷⁸ «Berliner Monatshefte», 1938, № 1, S. 67.

⁷⁹ F. Engel - Janosi. Op. cit., S. 75.

⁸⁰ «Berliner Monatshefte», 1937, № 5, S. 401—412.

дит уничтожение Австро-Венгрии⁸¹. 8 января были обнародованы «14 пунктов» Вильсона. США также не ставили вопрос о ликвидации реакционной монархии Габсбургов и выдвигали предложение о ее реорганизации на базе автономии (п. 10). Своей программой Вильсон хотел ослабить влияние советской мирной инициативы. Предлагая автономии в рамках монархии вместо выдвинутого Советской Россией лозунга самоопределения народов вплоть до государственного отделения, он пытался сохранить Габсбургскую монархию и предотвратить дальнейшее развитие национально-освободительного движения.

Чернин и некоторые руководящие политические деятели Австро-Венгрии одобрили программу Вильсона, рассматривая ее как исходный пункт для мирных переговоров. 3—4 февраля 1918 г. в Берне состоялась встреча члена палаты австрийского парламента Ламмаша и американских представителей Хью Вильсона, Геррона и др.⁸² Участники совещания констатировали возросшую «опасность большевизма» и высказались за сохранение сильной власти для борьбы с ней. Американские представители рекомендовали «оздоровить» Габсбургскую монархию путем образования в ее рамках автономного югославянского государства. 11 февраля с идеей реорганизации Габсбургской монархии на базе федерализма выступил президент США Вильсон. Буржуазные партии югославянских земель и других национальных районов Австро-Венгрии подхватили этот план и предложили многочисленные проекты реформ⁸³. Учитывая огромную притягательную силу идеи объединения югославянских земель вокруг Сербии, генерал-губернатор Боснии и Герцеговины Саркотич предложил Карлу так реорганизовать монархию Габсбургов, чтобы «югославянским Пьемонтом» стала не Сербия, а Хорватия. По плану Саркотича, к Хорватии должны были отойти Босния, Герцеговина и Далмация, занимавшие важное стратегическое положение на Балканах. Их включение в состав Хорватии придало бы последней большой вес в глазах всех югославян. Хорватия, по проекту Саркотича, должна была получить равные с Австрией и Венгрией права в Габсбургской монархии⁸⁴. Лидеры чешских буржуазных партий предложили свой план триализма, имея в виду чехословацкие земли. Против этих проектов выступили пангерманцы Австрии и представители крупных промышленников и земельной аристократии Венгрии⁸⁵.

Весной 1918 г. Германия, готовившая наступательные операции на Западном фронте, оказала сильный нажим на Австро-Венгрию. Вместо Чернина Карл назначил министром иностранных дел Буриана. В мае на конференции в Спа было принято решение о мобилизации всех сил для борьбы с Антантой и укреплении связей между союзниками по военной, политической и экономической линиям⁸⁶. Австро-Венгрии не удалось вырваться из «железных объятий» своего союзника. Наоборот, ее зависимость от Германии еще более возросла. Однако исход войны был уже предрешен. Центральные державы войну проиграли. Антанта выступила с планами послевоенной организации мира. Между великими державами, однако, не было единства. Франция претендовала на роль

⁸¹ Ллойд-Джордж. Военные мемуары. Т. V. М. 1938, стр. 37.

⁸² «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Suppl. I. The World War» (далее — «Papers Relating»). Vol. I. Washington. 1933, pp. 6, 9.

⁸³ В конце 1917 г. генерал-губернатор Черногории Клам-Мартиниц написал для Чернина доклад «Сербско-хорватские отношения», изложив в нем проект реформ в южнославянских землях Австро-Венгрии. Саркотич написал контрпроект. Оба документа недавно найдены. Частично этот вопрос освещен в публикации Б. Стулли («Arhivski vijesnik», Zagreb, 1959, № 2).

⁸⁴ Državni arhiv Socijalističke republike Hrvatske (Zagreb). Sarkotič. Beilage zum 14.V.1918, S. 7—22.

⁸⁵ АВГП, ф. Особый политический отдел, д. 283, лл. 201—202.

⁸⁶ G. Gratz und R. Schüller. Die äußere Wirtschaftspolitik Österreich-Ungarns. Mitteleuropapläne. Wien. 1925, S. 106.

руководителя союзов вассальных государств, которые она хотела создать вместо Австро-Венгрии, и настаивала на объединении всех югославянских земель Австро-Венгрии вокруг Сербии, находившейся под ее сильным влиянием. Против этого возражала Италия, которая хотела захватить югославянские земли Австро-Венгрии в бассейне Адриатики. США и Англия согласились на замену Австро-Венгрии буржуазными государствами, видя в них единственную гарантию против дальнейшего углубления революционной ситуации. В заявлении Вильсона от 16 сентября 1918 г. по поводу предложения Буриана о мире отвергалось перемирие и выдвигалось требование о предоставлении югославянам и чехам независимости⁸⁷.

27 сентября в Вене было созвано чрезвычайное заседание коронного совета под председательством Карла. Обсуждался вопрос о ноте Вильсона и военном и внутреннем положении монархии. Буриан предложил провести реорганизацию монархии, «пока народы не сделали это сами»⁸⁸. Был разработан проект реорганизации армии по национальному принципу⁸⁹. 2 октября состоялось новое экстренное заседание коронного совета в связи с капитуляцией Болгарии. Было принято решение просить мира на основе «14 пунктов» Вильсона. 5 октября Австро-Венгрия сделала соответствующее официальное заявление. 16 октября Карл опубликовал манифест о реорганизации Австрии на основах федерализма, надеясь сохранить монархию⁹⁰. Но было поздно: начался окончательный распад многонационального государства, и этот процесс невозможно было остановить никакими реформами. 20 октября в Вену пришел ответ Вильсона на ноту от 5 октября. Он отвергал переговоры о мире на основе «14 пунктов», хотя и оставлял некоторые надежды на реорганизацию Австро-Венгрии в Дунайскую федерацию⁹¹. Правящие круги предприняли последнюю попытку спасти монархию. Вместо Буриана министром иностранных дел был назначен один из лидеров венгерской оппозиции, Дьюла Андраши, а министром-президентом Австрии — Генрих Ламмаш. Оба считались сторонниками ориентации на Антанту. Андраши обратился 28 октября к Вильсону с предложением о немедленном перемирии, заявив о согласии Австро-Венгрии принять любые условия мира. 31 октября был получен ответ Антанты с требованием безоговорочной капитуляции, 1 ноября коронный совет принял эти условия, а 3 ноября они вступили в силу.

Австро-Венгрии как единого государства к этому времени уже не было. От нее отделились Чехия, югославские земли, Словакия. В самих Австрии и Венгрии шли революционные бои трудящихся масс против монархии. Перемирие и занятие войсками Антанты некоторых стратегических пунктов на территории Австро-Венгрии не приостановили развития революции. 12 ноября в Вене и 16 ноября в Будапеште была низложена династия Габсбургов и провозглашена республика. Многовековая австрийская монархия прекратила свое существование.

⁸⁷ «Papers Relating», pp. 309—310.

⁸⁸ Венгерский государственный архив, ф. КМУ. Ministerrat Gemeinsame Angelegenheiten. 27. IX. 1918.

⁸⁹ Военно-исторический архив Венгрии, ф. 1/1/3. Az uralkodó katonai irodaja. 92—124. old.

⁹⁰ 18 октября Карл обратился к армии с призывом сохранить единство во имя завоевания мира. Одновременно давалось обещание в ближайшем будущем разрешить национальный вопрос (Военно-исторический архив Венгрии, ф. 1/5/5. Jozsef főherzeg seregarcvonal psag. 125—130. old.).

⁹¹ «Papers Relating», p. 368.